

Федоринчик Артём Сергеевич

канд. филол. наук

г. Киев, Украина

СЕМАНТИКА ОТЫМЕННЫХ ГЛАГОЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ЧУВАШСКОГО, УДМУРТСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация: статья рассматривает отыменные глаголы как морфологические комплексы, по смыслу эквивалентные словосочетаниям. Предпринимается попытка систематизации значений, базовых для соответствующей «морфологизации», и формальных средств, которые используются в соответствующих случаях.

Ключевые слова: отыменные глаголы, словообразование, морфология, функционализм, типология.

Вступление

Долгое время как в академическом, так и в прикладном языкознании доминировал формальный подход («от формы к смыслу»). Он во многом восходит к традиции изучения древних языков (в первую очередь латыни и древнегреческого), когда перед изучающим ставилась задача не столько порождать высказывания самому, сколько понимать готовые письменные тексты. Вместе с тем, при порождении высказываний их автор обычно следует в обратном (функциональном) направлении: подбирает языковые формы в зависимости от смысла, который желает вложить в сообщение. Эти формы могут быть максимально аналитическими, но во многих случаях в языках представлены и их более компактные морфологические аналоги.

Одним из примеров соответствующей «морфологизации» являются отыменные глаголы. Они уже попадали в поле зрения как российских [1, с. 421–434], так и мировых лингвистов [5], но существующие классификации, с точки зрения автора статьи, выглядят недостаточно системно (в конечном итоге их, как и классификации отглагольных имён, логично основывать на семантических ролях, но соответствующие связи часто несколько «завуалированы»). Предлагае-

мая ниже классификация иллюстрируется преимущественно лексикой русского, чувашского и удмуртского языков; материал последнего был исследован наиболее тщательно, так как в удмуртском языке отыменные глаголы весьма разнообразны как с формальной, так и со смысловой точек зрения.

Важно также сделать следующую оговорку: в русском и удмуртском языках в качестве глагольных словарных форм используются инфинитивы, но с точки зрения словообразовательных процессов важна связь не между словарными формами, а между производящей и производной основами. Ввиду этого неверно считать, что, скажем, глагол *звонить* произведен от существительного *звон* на формальных основаниях (аналогично ср. удмуртские *тод* «память» и *тодыны* «знать»), но для большей унификации я в подобных парах предлагаю считать глаголы производными по причине большей (как правило) семантической сложности: появления дополнительных валентностей.

1. Существительные.

1.1. «Существование икса».

Как и для большинства других отыменных глаголов (см. ниже), «морфологизация» наиболее вероятна в следующих трёх случаях: стативном (экзистив, «икс существует»: *мороз* → *морозить*, в безличных контекстах), инхоативном (эмержитив, «икс появляется»: *свет* → *светать*) и каузативном (продуктив, «игрек порождает икс»: *мусор* → *мусорить*, *работа* → *работать*, *бред* → *бредить*). Кажется, что среди общепризнано выделяемых семантических ролей нет той, которая связывала бы исходные основы и результирующие глаголы в данных деривациях (хотя ср. термин «фактитив» о создающемся объекте у Филлмора [4, с. 25]), но интуитивно концепт существующего / появляющегося / создающегося объекта вполне очевиден.

В чувашском языке существуют морфологические средства выражения продуктивов: в основном это аффикс *-ла/-ле* (*пӑру* «телёнок» → *пӑрула* «телиться», *тӑрӑ* «вышивка» → *тӑрӑле* «вышивать», *ёс* «работа» → *ёсле* «работать», *ташӑ* «танец» → *ташла* «танцевать»), но также *-т* (*сура* «детёныш животного» → *сурат* «рожать»).

В удмуртском языке морфологические экзистивы единичны и связаны исключительно с погодными явлениями: *лымы* «снег» → *лымыяны* «идти (о снеге)», *зор* «дождь» → *зорыны* «идти (о дожде)». Надёжные примеры эмерджитивов не засвидетельствованы. Основным показателем (38 обнаруженных примеров) морфологического продуктива выступает суффикс *-аны* (после гласных в большинстве случаев используется алломорф *-яны*): *шыд* «суп» → *шыданы* «готовить суп», *гу* «яма» → *гуаны* «рыть яму», *чуньы* «жеребец» → *чуньяны* «жеребиться», *мызь* «икра» → *мызяны* «метать икру», *уж* «работа» → *ужаны* «работать». Следующий по частотности – суффикс *-тыны* (5 примеров; *гож* «линия» → *гожтыны* «писать»), с остальными суффиксами примеры единичны.

1.2. «Бытие иксом».

Три подтипа: стативный (идентификатив: *плотник* → *плотничать*), инхоативный (трансмутатив: *баба* → *обабиться*), каузативный (трансформатив: *комок* → *скомкать*). Наряду с семантикой «бытие иксом» возможно и «квазибытие иксом»: ср. квазиидентификативы *ишачить* и *юлить*, квазитрансмутативы *остолбенеть* и *съёжиться*, квазитрансформативы *очеловечить* и *скрючить*. Объекты, на которые указывают производящие основы в данных деривациях, по отношению к результирующим глаголам являются либо агенсами, либо просто носителями соответствующих свойств, то есть в широком смысле соответствуют подлежащим.

В чувашском языке обнаруженные морфологические (отсуществительные) идентификативы (*йста* «мастер» → *йстала* «мастерить», *пустах* «дебошир» → *пустахлан* «дебоширить»), трансмутативы (*нимёр* «кисель» → *нимёрёл* «разжижаться», *хййма* «сметана» → *хйймалан* «превращаться в сметану») и трансформативы (*ывайл* «сын» → *ывайлла* «усыновлять», *хйна* «гость» → *хйнала* «угощать», *нимёр* «кисель» → *нимёр* «сминать») единичны.

В удмуртском языке самыми распространёнными показателями идентификатива выступают суффиксы *-яськыны* (13 примеров; *нылос* «сластёна» → *нылосьяськыны* «любить сладкое») и *-аны* (после гласных в большинстве случаев *-яны*, 12 примеров; *вор* «вор» → *вораны* «воровать»); *-яськыны* наиболее

частотен и для квазиидентификатива (6 примеров; *мунё* «кукла» → *мунёяськыны* «кокетничать»). Трансмутативное значение чаще всего дают суффиксы *-яськыны* (13 примеров; *эш* «друг» → *эшьяськыны* «подружиться») и *-зыны* (6 примеров; *эгыр* «уголь» → *эгырзыны* «обуглиться»), квазитрансмутативное – *-мыны* (6 примеров; *из* «камень» → *измыны* «окаменеть») и *-зыны* (4 примера; *шой* «труп» → *шойзыны* «побледнеть»). Трансформатив чаще всего образуется при помощи суффиксов *-аны* (после гласных в большинстве случаев *-яны*, 9 примеров; *куно* «гость» → *кунояны* «угощать»), *-яны* (после согласных, 8 примеров; *люк* «куча» → *люкъяны* «собрать в кучу»), *-тыны* (5 примеров; *запас* «запас» → *запастыны* «запасти»); удмуртские квазитрансформативы единичны (*тул* «клин» → *тульяны* «вклинить»).

1.3. «Локализация относительно икса».

Три подтипа: стативный локализатив (*сторона* → *сторониться*), инхоативный локализатив (*при земле* → *приземляться*, *даль* → *удаляться*), каузативный локализатив (*при земле* → *приземлять*, *плен* → *пленить*; ср. переосмысление в *удалять*, а также белорусскую пару *сон* → *сніць* «видеть во сне»); инхоативный и каузативный локализативы, по сути, соотносимы с «аллативным» участником. Изредка встречаются и делокализативы (соотносимы с «аблативным» участником): ср. английские *mine* «шахта» → *mine* «извлекать из шахты».

Менее тривиальны случаи, когда производящая основа называет, так сказать, задействованный в ситуации конфигурационный ориентир: ср. *круг* → *окружать* (т.е. «располагаться по кругу», инхоативный ориентатив) или *кружить* (т.е. «перемещать по кругу», каузативный ориентатив).

Примеры обнаруженных морфологических локализативов в чувашском единичны: *тёлёк* «сон» → *тёллен* «сниться», *авёр* «ствол» → *авёрла* «заряжать», *тыткён* «плен» → *тыткёнла* «пленить».

В удмуртском языке как показатель стативного локализатива используется *-аны* (3 примера; *тэль* «лес» → *тэляны* «охотиться», ср. украинский *полювати* «охотиться», букв. «быть в поле»), есть также 2 синонимичных стативных локализатива с другими суффиксами: *эрказ* «на своей воле» → *эрказьяськы-*

ны/эрказыны «самовольничать». Инхоативные локализативы образуются при помощи суффиксов *-тыны* (6 примеров; *азь* «передний», *пал* «сторона» → *азьпалтыны* «опередить»), *-яськыны* (6 примеров; *пыдес* «колени» → *пыдесьяськыны* «встать на колени»), *-аны* (5 примеров; *бер* «зад» → *бераны* «отстать», «опоздать»); примеры с другими суффиксами единичны. Для образования каузативных локализативов используются суффиксы *-тыны* (23 примера; *тыбыр* «спина» → *тыбыртыны* «положить на спину»; *пыд* «нога», *ул* «низ» → *пыдултыны* «подчинить»), *-аны* (после гласных *-яны*, 13 примеров; *инты* «место» → *интыяны* «разместить»), *-яны* (после согласных, 3 примера; *өр* «русло» → *өрьяны* «направить в русло»); примеры с другими суффиксами единичны. Делокализатив представлен единственным примером: *өр* «русло» → *өраны* «разливаться».

Интересной особенностью удмуртского языка является некоторое количество так называемых транзитивов: отыменных глаголов, где производящая основа указывает на объект, по которому осуществляется движение (соответствует семантической роли пролатива): ср. *выж* «мост» → *выжыны* «переправляться» / *выжтыны* «переправлять», *шебель* «раскат» → *шебельтыны* «скатиться», *пу* «дерево» → *пуаны* «прыгать с дерева на дерево».

В удмуртском также есть ориентативы: 1 стивный (*мыд* «другой» → *мыдлань* «в другую сторону» → *мыдланьяськыны* «упрямиться»), 1 инхоативный (*котыр* «округа» → *котыртыны* «обойти», «окружить»), 14 каузативных с суффиксом *-тыны* (*тыбыр* «спина» → *тыбыртыны* «повернуть спиной»; *мыд* «другой» → *мыдлань* «в другую сторону» → *мыдланьтыны* «исказить», т.е. переосмысленное «направить в другую сторону»; *азьдорин* «лицевая сторона» → *азьдоринтыны* «вывернуть лицевой стороной») и несколько единичных каузативных ориентативов с другими суффиксами.

1.4. «Воздействие на икс».

Икс может быть конечной точкой приложения усилий (соответствует семантической роли пациенса, таргетив: *лист* → *листать*) или «промежуточной»

(соответствует семантической роли инструмента, узитатив: *утюг* → *утюжить*).

В чувашском языке обнаруженные таргетивы единичны (*ёнсе* «затылок» → *ёнселе* «давать подзатыльники», *кӑк* «корень» → *кӑкла* «корчевать»), а основным показателем узитатива выступает *-ла/-ле*: *суха* «плуг» → *сухала* «пахать», *сава* «рубанок» → *савала* «строгать», *йёр* «след» → *йёрле* «следить».

В удмуртском языке представлены 5 примеров таргетива с *-аны* (после гласных *-яны*; *етӥн* «лён» → *етӥнаны* «теребить лён», *зыбка* «колыбель» → *зыбкаяны* «качать колыбель») и несколько единичных других. Этот же показатель – основной для узитатива (29 примеров; *сын* «расчёска» → *сынаны* «причёсывать», *ши* «жалю» → *шияны* «ткнуть»), также 6 примеров зафиксировано с *-ыны* (*шер* «точило» → *шерыны* «точить»), примеры с другими суффиксами единичны.

1.5. «Наличие икса».

Три подтипа: стативный (хабитив: *цвет(ы)* → *цвети*, *му́ка* → *мучиться*), инхоативный (аквизитив: *наряд* → *наряжаться*, *печаль* → *опечалиться*), каузативный (паратив: *краска* → *красить*, *вина́* → *обвинять*, *порядок* → *упорядочить*); в некоторых случаях о наличии/обретении икса можно говорить с некоторой долей условности: ср. *сгорбить*, *оформить* или *наклонить*, где речь идёт скорее об изменении формы/позы «носителя». Морфологическими средствами может также выражаться отсутствие икса: ср. стативный приватив (*дом* → *бездомничать*, *дело* → *бездельничать*), инхоативный приватив (*люди* → *обезлюдить*, *молва* → *обезмолветь*), каузативный приватив (*кровь* → *обескровить*, *боль* → *обезболить*). При этом ситуация обладания/обретения логичным образом коррелирует с семантическими ролями бенефактива (малефактива), а также экспериенцера (для абстрактных существительных).

Некоторую сложность представляет проведение границы между аквизитивом/паративом и некоторыми другими деривациями. Достаточно близкими к случаям «чистого» обладания, ср. потенциальное **оквартириться*, я считаю и случаи «мереологически-конфигурационного» обладания: ср. тонкую границу

между потенциально морфологизируемым аквизитивом *обрати бородой* и продуктивом *гноиться*. С другой стороны, отношения родства несколько более автономны, поэтому *ощениться* я склонен скорее рассматривать как продуктив, а *удочерять* как трансформатив. Граница между узитативами и паративами определяется свободностью или связанностью соответствующих средств: ср. паративы *красить* и *пригвоздить* (краска и гвоздь остаются «при объекте воздействия»). Что же касается процессуальных существительных (ср., например, возможную трактовку потенциально отыменного *дышать* как продуктива «делать дыхание» и как хабитива «быть с дыханием»), то с некоторой степенью условности можно считать, что действия «порождаются вовне» и потому соответствующие глаголы концептуализируются скорее «продуктивно», а состояния в нормальном случае «привязаны к своему носителю» и служат базой для «хабитивных» образований.

В чувашском языке основным показателем аквизитива (реже хабитива) выступает аффикс *-лан/-лен* (*чечек* «цветок» → *чечеклен* «зацветать» / «цвести», *хём* «искры» → *хёмлен* «искриться», *пёр* «лёд» → *пёрлан* «покрыться льдом», *хурт* «червь» → *хуртлан* «червиветь», *вэй* «сила» → *вэйлан* «усиливаться»), но спорадически также используются другие: ср. *тăха* «застёжка» → *тăхăн* «одеваться», *нас* «иней» → *насар* «покрываться инеем», *вырăн* «место» → *вырнаç* «размещаться», *çёр* «ночь» → *çёрле* «ночевать», *хăт* «уют» → *хăтăл* «спасаться». Аналогично основным показателем паратива выступает *-ла/-ле* (*тăвар* «соль» → *тăварла* «солить», *тўме* «пуговица» → *тўмеле* «застёгивать», *пуç* «голова» → *пуçла* «начинать», *хўтё* «защита» → *хўтёле* «защищать»), но возможны и другие: *пуç* «голова» → *пуçăн* «начинать», *кёçё* «чесотка» → *кёçёт* «чесаться», *вэй* «сила» → *вэйлат* «укреплять», *шыв* «вода» → *шăвар* «поить», «поливать».

В удмуртском языке как показатели хабитива используются *-ыны* (9 примеров; *кенеш* «совет» → *кенешыны* «советоваться»), *-аны* (8 примеров; *өнер* «ремесло» → *өнераны* «заниматься ремеслом»), *-йыны* (4 примера; *тол* «зима» → *толйыны* «зимовать»), *-яськыны* (3 примера; *йыркур* «злоба» → *йыркуръясь-*

кыны «злоствовать»), примеры с другими суффиксами единичны. Аквизитивные показатели демонстрируют заметную пестроту: 84 примера с *-аны* (после гласных в большинстве случаев *-яны*; *кӱй* «жир» → *кӱяны* «толстеть», *коньы* «белка» → *коньяны* «охотиться на белок»), 24 с *-яськыны* (*тылы* «перо» → *тылыяськыны* «оперяться»), 23 с *-мыны* (*лул* «душа» → *лулмыны* «ожить»), 16 с *-ӓыны* (*вир* «кровь» → *вирӓыны* «налиться кровью»), 10 с *-ӓектыны*, 9 с *-омыны*, 7 с *-ыны*, по 5 с *-скыны* и *-яны* (после согласных), по 4 с *-дыны* и *-тыны* и несколько других единичных случаев. Среди паративов лидируют *-аны* (после гласных в большинстве случаев *-яны*, 152 примера; *майтал* «мыло» → *майталаны* «намылить», *кышно* «жена» → *кышнояны* «женить»), *-яны* (после согласных, 49 примеров; *сай* «тень» → *сайяны* «затенить»), *-тыны* (21 пример; *ивор* «весть» → *ивортыны* «известить»), по 8 примеров найдено с *-ланы* и *-ыны*, также используются *-маны* (5), *-саны* и *-йыны* (по 4), есть также несколько единичных примеров с другими суффиксами. Привативные деривации единичны: *кал* «сила» → *каломыны* «обессилеть».

2. Прилагательные.

Три базовых подтипа: стативный (идентификатив: *тӗпӗлӗ* → *теплиться*), инхоативный (трансмутатив: *светӗлӗ* → *светлеть*), каузативный (трансформатив: *белӗлӗ* → *белить*). Ситуацию несколько осложняет тот факт, что благодаря базовой семантике качественных прилагательных (указание на наличие того или иного свойства) продукты этих дериваций часто семантически близки к продуктам «абстрактных» хабитивов, аквизитивов и паративов, а их разграничение нередко проводится по формальным критериям: ср. *грусть* → хабитив *грустить*, *грустный* → трансмутатив *грустнеть*, и при этом *грусть* → *грустный* (ср. также *горб* → *горбить*, *горбатый* → *горбатить*).

В чувашском языке основными показателями отприлагательных трансмутативов выступают *-лан/-лен* и *-ал/-ӓл/-ел/-ӗл* (*хитре* «красивый» → *хитрелен* «хорошеть», *вӑрӑм* «длинный» → *вӑрӑмлан* «удлиняться», *шурӑ* «белый» → *шурал* «белеть», *чӑрӑ* «живой» → *чӑрӗл* «оживать»), реже другие: *йӗне* «мокрый» → *йӗнен* «мокнуть», *кӑвак* «синий» → *кӑвакар* «синеть», *ӑшӑ* «тёплый»

→ *айшарха* «разгорячиться». Основными показателями отприлагательных трансформативов выступают *-лат/-лет* (*вэрэм* «длинный» → *вэрэмлат* «удлиннять»), *сирён* «крепкий» → *сирёплет* «укреплять») и *-т* (*шэвёр* «острый» → *шэвэрт* «заострять»), но возможны и другие: *ырай* «добрый» → *ырила* «хвалить», *шуря* «белый» → *шурат* «белить», *питё* «прочный» → *питёр* «запирать».

В удмуртском языке основным показателем отприлагательных идентификативов выступают *-яськыны* (58 примеров; *чырткем* «бойкий» → *чырткемъяськыны* «резвиться»; *уж* «работа» → *ужтэм* «не работающий» → *ужтэмъяськыны* «бездельничать») и *-аны* (после гласных *-яны*, 6 примеров; *кас* «злой» → *касаны* «питать зло»); отприлагательные идентификативы с другими суффиксами единичны. Для образования отприлагательных трансмутативов используются: *-мыны* (86 примеров; *чебер* «красивый» → *чебермыны* «хорошеть»; *дун* «цена» → *дунтэм* «дешёвый» → *дунтэммыны* «дешеветь»), *-аны* (85 примеров; *ляб* «слабый» → *лябаны* «слабеть», *умой* «хороший» → *умояны* «улучшиться»), *-омыны* (после гласных *-ёмыны*, 77 примеров; *кыр* «дикий» → *кыромыны* «одищать», *вакчи* «короткий» → *вакчиёмыны* «укорачиваться»), *-эктыны* (21 пример; *сьод* «чёрный» → *сьодэктыны* «почернеть»), *-скыны* (8 примеров), *-зыны* (6 примеров) и некоторые другие, менее употребительные, суффиксы. Отприлагательные трансформативы образуются при помощи суффиксов *-тыны* (36 примеров; *кырыж* «кривой» → *кырыжтыны* «перекосить»), *-аны* (после гласных *-яны*, 21 пример; *дась* «готовый» → *дасяны* «подготовить»), *-маны* (10 примеров; *горд* «красный» → *гордманы* «красить в красный»), *-яны* (после согласных, 7 примеров), *-ыны* (6 примеров), реже некоторых других.

3. Образные слова.

В русском языке в классе образных слов в основном представлены звукоподражания. Теоретически от них возможно образование экзистивов и эмерджитивов, но на практике доминируют продуктивы: *буль* → *булькать*, *звон* → *звонить*, *скрип* → *скрипеть*. От образных слов, выражающих состояния, типологически возможны, соответственно, хабитивы, аквизитивы и паративы.

В чувашском языке основными показателями образных продуктивов выступают *-тат/-тет* (*пăшăл* (о шёпоте) → *пăшăлтат* «шептать»), *-лат/-лет* (*пăрăк* (о хрюканьи) → *пăрăклат* «хрюкать»), *-ла/-ле* (*кёр* (о шуме) → *кёрле* «шуметь»), реже другие: *шак* (о стуке) → *шакка* «стучать», *вёл* (о слабом колебании) → *вёлкёш* «колыхаться». Отдельные деривации, выражающие состояния, можно выделить на основании формальных критериев: *кёпёр* (о лёгком топоте) → *кёпёрлен* «тесниться».

В удмуртском языке есть пример образного экзистива: *чуз* (о звучании) → *чузъяськыны* «раздаваться» (о звуке). Образные продуктивы образуются с помощью суффиксов *-тыны* (99 примеров; *жингыр* (о звоне) → *жингыртыны* «звенеть», *гуук* (о ворковании) → *гууктыны* «ворковать»), *-гетыны* (после *-в* и глухих *-кетыны*, 78 примеров; *йыг* (о стуке) → *йыггетыны* «стучать», *крок* (о карканьи) → *кроккетыны* «каркать»), *-этыны* (10 примеров; *чаш* (о шуме) → *чашетыны* «шуметь»), *-яськыны* (6 примеров), реже других. Суффиксы образных хабитивов: *-тыны* (24 примера; *нюштыр* (о ползании) → *нюштыртыны* «ползти»), *-аны* (21 пример; *чиль* (о блеске) → *чиляны* «блестеть»), *-яськыны* (9 примеров; *нёкыр* (о пене) → *нёкыръяськыны* «пениться»), реже другие. Самые частые суффиксы, образующие образные аквизитивы: *-аны* (31 пример; *бекыр* (о накренившемся предмете) → *бекыраны* «накрениваться»), *-зыны* (18 примеров; *супыль* (о слякоти) → *супыльзыны* «развариться»), *-мыны* (16 примеров; *сарк* (о сморщенности) → *саркмыны* «истрепаться»), *-дыны* (10 примеров), *-этыны* (9 примеров), *-скыны* (7 примеров). Суффикс *-тыны* – основной для образования образных паративов (39 примеров; *нежыр* (о взъерошенности) → *нежыртыны* «ерошить», *бекмыль* (об опрокидывании) → *бекмыльтыны* «опрокинуть»), но используется и ряд других (каждый из которых образует по 1–4 деривата).

Автор выражает признательность Ивану Рыбакову, Виталию Пронину, Сергею Максимову, Ольге Урасиновой, Александру Савельеву, Анне Егоровой и Светозару Лашину за помощь на разных этапах работы с материалом.

Список литературы

1. Мельчук И.А. Курс общей морфологии: пер. с фр. / общ. ред. Н.В. Перцова, Е.Н. Саввина. – Т. II. – М.: Языки русской культуры; Вена: Венский славистический альманах, 1998. – 544 с.
2. Насибуллин Р.Ш. Обратный словарь удмуртского языка: ок. 46000 слов / Р.Ш. Насибуллин, В.Ю. Дудоров; под ред. Р.Ш. Насибуллина. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 1992. – 234 с.
3. Скворцов М.И. Чувашско-русский и русско-чувашский словарь / М.И. Скворцов, А.В. Скворцова. – 7-е изд., стереотип. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. – 432 с.
4. Fillmore Ch.J. The Case for Case // Universals in Linguistic Theory. Edited by E. Bach and R.T. Harms. – Holt, Rinehart and Winston, London, 1968.
5. McIntyre A. Denominal verbs // Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe. Volume 2. Edited by Peter O. Müller, Ingeborg Ohnheiser, Susan Olsen, Franz Rainer. – Walter de Gruyter GmbH, Berlin / Boston, 2015. – 770 p.